

Журин Андрей Николаевич

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА И РОМАНТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В АРХИТЕКТУРЕ НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ

Статья посвящена исследованию истоков эстетических воззрений императрицы Александры Федоровны, супруги императора Николая I, мир романтической мечты которой был в значительной степени реализован в Новом Петергофе, в проекте дворца в Ореанде в Крыму, в послепожарных жилых интерьерах Зимнего Дворца. Отмечается непосредственное участие Александры Федоровны в организации масштабных дворцовых театрализованных костюмированных праздников в России и Германии, являвшихся частью романтического архитектурного пространства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 67-69. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 7.035

Искусствоведение

Статья посвящена исследованию истоков эстетических воззрений императрицы Александры Федоровны, супруги императора Николая I, мир романтической мечты которой был в значительной степени реализован в Новом Петергофе, в проекте дворца в Ореанде в Крыму, в послепожарных жилых интерьерах Зимнего Дворца. Отмечается непосредственное участие Александры Федоровны в организации масштабных дворцовых театрализованных костюмированных праздников в России и Германии, являвшихся частью романтического архитектурного пространства.

Ключевые слова и фразы: императрица Александра Федоровна; император Николай I; романтизм; эклектика; архитектура; театрализованные костюмированные дворцовые праздники.

Журин Андрей Николаевич

*Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
zhurin.andrew@yandex.ru*

**ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА И РОМАНТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ
В АРХИТЕКТУРЕ НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ**

Активным проводником нового романтического вкуса в архитектуре являлась российская Императрица, супруга Императора Николая I Александра Федоровна Романова. Ее сочетание браком с Великим князем Николаем Павловичем, будущим российским императором, стало важной вехой политического и культурного союза России и Пруссии. А. Бенуа и Н. Лансере утверждали: «Ей удавалось смягчать резкие и жестокие черты характера Николая I и способствовать развитию в нем любви к искусству. Она, своим мечтательным, сентиментальным и несколько мистическим настроением, безусловно, оказывала влияние на привитие у нас романтизма, господствовавшего в то время в Германии и нашедшего себе отклик в русском обществе» [2]. Детские годы императрицы Александры Федоровны в Потсдаме, последующие многочисленные визиты на историческую родину укрепляли этот союз и диалог двух культур. Именно трансляцией её впечатлений на архитектуру можно объяснить общестилистическую направленность парковых построек, единую организацию пространства новой царской летней резиденции в Новом Петергофе и королевской резиденции в Потсдаме под Берлином.

В этих двух садово-парковых комплексах отрабатывались самые прогрессивные приёмы новейшей архитектуры, на этом культурном поле велась творческая переключка между ведущими архитекторами двух стран – К. Ф. Шинкелем и А. И. Штакеншнейдером. Этот же диалог продолжился в Крыму, в Ореанде, где проектировался грандиозный дворец для императрицы Александры Федоровны.

Эстетические вкусы русской императрицы сложились в её детские годы в Пруссии и оказали определённое влияние на развитие новых тенденций в архитектуре эпохи ранней эклектики. Её любовь к небольшим сооружениям и живописным уютным пространствам прослеживается еще с детства. Всю жизнь она сохраняла тесные отношения со своим братом, будущим королём Пруссии Фридрихом Вильгельмом IV. По свидетельству, приведённому Д. Воткиным и Т. Мелингхоффом (D. Watkin, T. Mellinghoff), королевскую резиденцию Шарлоттенхофф в Потсдаме они называли «Сиам» – романтическая ассоциация в те годы с «землёй свободы». В этом уютном мире они хотели создать романтический уголок «братства, дружбы и свободы» [7, р. 105]. Брат и сестра зачитывались популярным романом «Поль и Виргиния» французского автора Бернарлена де Сен-Пьера, где описывается счастливая жизнь двух молодых людей на острове Маврикий среди девственной природы вдали от цивилизации. Характерно, что свои архитектурные проекты брат российской императрицы подписывал «сиамский принц». Александра Федоровна обращалась к своему брату по поводу понятной им обоим стилистики предполагаемого проекта дворца в Ореанде в стиле «Сиам» – стиле романтической свободы, который воплощали в своих постройках К. Ф. Шинкель и А. И. Штакеншнейдер.

Стремление избежать жизни в парадных дворцах Петергофа было характерной чертой Александры Федоровны. Подарок императора Николая I – дворец Коттедж в Новом Петергофе (архитектор А. Менелас) – полностью соответствовал романтическому европейскому представлению о культуре жилища: небольшие уютные помещения, по возможности связанные с внешним пространством. Этот «европейский» стиль жизни в замкнутом от внешнего мира романтическом пространстве отметил маркиз де Кюстин, посетивший императрицу в Новом Петергофе. Он приводит следующие слова Александры Федоровны: «Жизнь в Петергофском дворце для меня была невыносима. Чтобы отдохнуть от его тяжеловесной позолоты, я выпросила у государя эту обитель. Никогда я не была так счастлива, как здесь» [5, с. 335].

Вкусы и эстетические пристрастия императрицы, безусловно, оказывали смягчающее влияние на Николая I. «В свободное от службы и придворной жизни время он предавался радостям тихой семейной жизни в Аничковом дворце – жизни, к которой он давно уже стремился и о которой не переставал мечтать. “Если кто-нибудь спросит”, говорил он по этому поводу великой княгине, “в каком уголке мира скрывается истинное счастье, сделай одолжение, пошли его в Аничковский рай”» [3, с. 37-38].

Совместный уход в мир иллюзий, романтических грёз явился отличительной чертой элитарной культуры России и Германии. Отмечается синтез всех культурных составляющих – литературы, музыки, театрализованных

до массовых форм сценического искусства. Важную роль в этом синтезе искусств играла архитектура; атмосфера костюмированного праздника, маскарада являлась отражением и моделированием романтического мировоззрения элит, которое четко противопоставлялось реалиям параллельного мира прозаичности, не столь яркого и красивого, как мир выдуманной и частично материализованной мечты. Этот мир мечты был реализован в архитектуре королевских и царских резиденций в Потсдаме в Пруссии, в Царском селе и Новом Петергофе, во дворце в Ореанде в Крыму в России, в загородных дворцах в Знаменке и Михайловке под Петербургом. Новые интерьеры Зимнего дворца (архитекторы А. Брюллов, В. Стасов, А. Штакеншнейдер и др.) можно рассматривать также с точки зрения материальной реализации мира мечты, эскапизма из окружающей обыденной, слишком прямолинейной реальности. Сама идея погружения в исторические стили в архитектуре прошлых эпох предполагала в известном смысле увлекательное и познавательное романтическое путешествие во времени.

Архитектурная среда являлась активным средством театрализации жизни высших слоёв общества в эпоху романтизма. В связи с этим следует отметить масштабные костюмированные праздники: берлинский театрализованный праздник в честь петербургских гостей – царской четы – на тему повести английского романтика Томаса Мура «Лалла Рук» (1821 г.) и праздник «Волшебство белой розы» в Потсдаме (1829 г.) в честь дня рождения Российской императрицы Александры Федоровны [1].

Тезаурус, запас предварительных знаний являлся необходимым условием понимания мира романтизма во всех его архитектурных проявлениях. Романтическое мировоззрение, наиболее наглядно транслирующееся в литературе, поэзии, не могло не приобрести своего отражения в архитектуре. Сложность, определённая непредсказуемость в восприятии внутренней пространственной структуры дворцовых интерьеров явились продолжением литературных ассоциаций их потребителей. Мир мышления романтика не был бы удовлетворён одной единой точкой зрения на архитектурный объект как строгой, геометрически решенной за него автором пространственной системой, не допускающей домысливания и мечтательности при её восприятии. Идея костюмированного маскарада и современная ему архитектура дворца, парка, садово-парковых павильонов органично слились в единое культурное поле романтического мышления.

Литературной канвой грандиозного праздника 27 января 1821 г. явилась «восточная» романтическая повесть «Лалла Рук» [6]. Идея двойственности, интригующая смена ролей – молодой романтический поэт, он же бухарский принц, – атмосфера романтического путешествия из Индии в Бухару – всё это решалось с включением восточного антуража, на фоне которого разворачивались «живые картины» с многочисленными участниками, облаченными в соответствующие их роли одежды. Восточные декорации и костюмы, графики движения многочисленных участников – членов королевских домов разработал придворный архитектор-художник К. Ф. Шинкель. Архитектура Большого королевского дворца в Берлине преобразилась: классицистические интерьеры помещений буквально расцвели восточной стилистикой, Большой зал был переоборудован для воспроизведения «живых картин» на тему романтического путешествия из Индии в Бухару, что было прямой ассоциацией с переездом немецкой принцессы Шарлоты из Пруссии в Россию.

Праздник «Волшебство белой розы» состоялся в Потсдаме, в Сан-Суси 13 июля 1829 году в честь дня рождения императрицы Александры Федоровны. Стилистика его проведения в этот раз приобрела рыцарский средневековый оттенок, архитектурно-декоративная часть представления также решалась К. Ф. Шинкелем. Характер рыцарского праздника с «живыми картинами» из романтически воспринятого средневекового прошлого являлся важной культурной составляющей мировоззрения немецкого и русского царственных домов, художественные предпочтения в данном случае были общими.

В контексте увлечения рыцарскими романами в России, в частности произведениями Вальтера Скотта, следует рассматривать костюмированное представление – «рыцарскую курусель», состоявшуюся в Царском селе перед Александровским дворцом. «Рыцари» на лошадях, в доспехах из Императорского арсенала демонстрировали торжественный марш, императрица также была одета в костюм средневековой дамы. В этом же культурном контексте следует воспринимать и стилистику новой неоготической архитектуры в Царском селе: постройки, возведённые по проектам А. Менеласа-Шапель (1825-1825 гг.), «Белая башня» (1821-1827 гг.), Арсенал (1819-1834 гг.), Пенсионерские конюшни (1827-1829 гг.), а также многочисленные постройки Нового Петергофа: Дворец «Коттедж» (архитектор А. А. Менелас, 1826-1829 гг.), придворный госпиталь, фрейлинские дома, здание почты, конюшни, железнодорожный вокзал, которые также поддержали «готическое» направление романтического эстетического мышления и органично слились с общим контекстом дворцовой культурной жизни николаевского времени [4].

Архитектурное оформление идеи маскарада, костюмированного праздника, погружения в экзотическое историческое прошлое явилось общим художественным принципом формирования архитектурной среды эпохи романтизма. Участники маскарада легко переходили в архитектурное историческое пространство дворцовых интерьеров, парковых павильонов, которые являлись своеобразной исторической декорацией, перенесённой в мир реальности. Кинематографическую смену впечатлений, разыгрывающуюся в атмосфере костюмированного праздника, переход из одной культурной среды в другую, своеобразное путешествие во времени и культурном пространстве демонстрировали разнообразные по исторической стилистике воссозданные послепожарные интерьеры Зимнего дворца в Петербурге. Например, восточные средневековые мотивы Мавританской ванны в Зимнем дворце (архитектор А. П. Брюллов) оказались созвучны общему интенту к архитектуре Востока в эпоху романтизма, но также могли вызывать у заказчика – царственной четы конкретные ассоциации с костюмированным праздником «Лалла Рук». Определённая культурная и историческая подготовленность требовалась для погружения в мир романтических фантазий и иллюзий заказчика и потребителя архитектурной романтической декорации.

В николаевское время модель монотипической архитектурной эстетики эпохи классицизма в сознании российской элиты, в том числе среди членов императорской семьи, под влиянием распространявшегося романтического мировоззрения постепенно замещалась двойственностью художественного сознания, выразившейся в архитектуре в обустройстве в духе романтической свободы своего жизненного пространства, окружающего ландшафта, что наглядно отразилось в парковых и дворцовых сооружениях и ансамблях.

Список литературы

1. **Алексеев М. П.** Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты // Международные связи русской литературы. М. – Л.: Наука, 1963. С. 233–285.
2. **Бенуа А., Лансере Н.** Дворцовое строительство императора Николая I [Электронный ресурс] // Старые годы. 1913. № 7–9. С. 173–196. URL: <http://www.rus-sky.com/gosudarstvo/tarasov/nic6.htm> (дата обращения: 15.10.2016).
3. **Зайончковский А. М.** Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 5-ти т. СПб.: Экспедиция изготовления государственных бумаг, 1908. Т. 1. 763 с.
4. **Кузнецов С. О.** Адам Менелас на российской земле: возможные пути интерпретации творчества архитектора императора Николая I // Философский век: альманах. 1998. Вып. 6. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. С. 211–229.
5. **Кюстин А.** Россия в 1839 году. М.: Терра, 2000. 640 с.
6. **Описание праздника «Волшебство белой розы» в Потсдаме 13 июля 1829 года в честь дня рождения Императрицы Российской империи (Александры Федоровны)** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raruss.ru/ceremonies/1458-festes-weissen-rose.html> (дата обращения: 05.11.2016).
7. **Watkin D., Mellinghoff T.** German Architecture and the Classical Ideal. 1740–1840. L.: Thames and Hudson, 1987. 296 p.

**EMPRESS ALEXANDRA FEDOROVNA AND ROMANTIC TENDENCIES
IN RUSSIAN ARCHITECTURE OF NICHOLAS I'S EPOCH**

Zhurin Andrei Nikolaevich

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

zhurin.andrew@yandex.ru

The article traces the origins of esthetic views of Empress Alexandra Fedorovna, Emperor Nicholas I's wife, whose world of romantic dream was implemented considerably in New Peterhof, the Crimean Oreanda Palace design, the Winter Palace residential interiors after the fire. The author emphasizes Alexandra Fedorovna's immediate participation in organizing large-scale fancy-dress parties in Russia and Germany, which were elements of romantic architectural space.

Key words and phrases: Empress Alexandra Fedorovna; Emperor Nicholas I; romanticism; eclecticism; architecture; fancy-dress parties.

УДК 740

Философские науки

В статье анализируются характерные особенности языка науки и языка повседневности в их смысловом взаимодействии, а также способы кодификации продуктов познавательной активности в той и другой сферах. Специфика кодификации языковых конструкций обосновывается через когнитивное моделирование языковых ситуаций, через коммуникативные, глобально-информационные и ценностные факторы. Теоретические модели научного языка в философской методологической литературе рассмотрены в контексте лингвосемантической идентичности национальной культуры.

Ключевые слова и фразы: язык; наука; повседневность; кодификация; конструкция; информация; гуманитарная практика; свобода.

Зорина Елена Владимировна, д. филос. н., профессор

Омарова Лейла Буняминовна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

leylaomarova1@gmail.com

**ВОЗДЕЙСТВИЕ ФАКТОРОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ
НА ОСОБЕННОСТИ КОДИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СМЫСЛОВ**

Проблема кодификации вербальных смыслов научных и повседневных высказываний в современной методологической литературе выявила несколько основных кластеров исследования: когнитивный [14, с. 90–110], символический [1, с. 24–30; 7, с. 207–231; 16, р. 135], межцивилизационный [3, с. 5], культурно-антропологический [10, с. 210; 12]. В каждом из кластеров формируются свои особенности, характеризующие диалектику универсального и уникального в языковой коммуникации. Можно сказать, что диалектика